

УДК 39; 392.7; 394.9; 397

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-2-376-384

Модель многокультурности Юрия Вэллы

Н. И. Новикова

*Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
natinovikova@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение: в данной статье рассматриваются формы музейной презентации культуры, традиций передачи народных знаний, новых моделей образования, создания сетей сопричастных культуре аборигенов акторов из представителей органов государственной власти, промышленных компаний, международного сообщества.

Цель исследования: дать анализ модели многокультурности, представленной в творчестве и общественной деятельности поэта, оленевода и активиста Юрия Вэллы.

Материалы исследования: основой для написания стали опубликованные тексты Юрия Вэллы и полевые материалы автора, собранные в ходе многолетних экспедиций в ХМАО – Югре.

Результаты и научная новизна: фокус анализа поэтического наследия направлен на изучение роли переводов/диалога как основной модели книг Юрия Вэллы последних лет. Рассматривается как диалог укоренен в культуре ненцев, какую роль он играет в создании нового образа литературы и культуры коренных народов в современном мире. Научная новизна исследования заключается в анализе акций по презентации многокультурности, роли русского и ненецкого языков в продвижении общественно-значимых идей Юрия Вэллы, а также трансформации роли антрополога в интерпретациях аборигенных культур.

Ключевые слова: Юрий Вэлла, коренные малочисленные народы Севера, многокультурность, диалог, сопричастность, экомuseum, переводы, русский и ненецкий языки.

Благодарности: исследование выполнено в рамках ПФИ «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Этнические границы в поликультурных сообществах Севера России» (рук. Е.А. Пивнева).

Для цитирования: Новикова Н. И. Модель многокультурности Юрия Вэллы // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. №. 2. С. 376–384.

Yuriy Vella's model of multiculturalism

N. I. Novikova

*Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS,
Moscow, Russian Federation,
natinovikova@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the article discusses the forms of the museum presentation of culture, traditions of the transmission of folk knowledge, new educational models, creation of networks of aboriginal actors among the representatives of state authorities, industrial companies, and the international community.

Objective: to give the analysis of a model of multiculturalism presented in creativity and public activity of the poet, the reindeer breeder and the activist Yuriy Vella.

Research materials: the basis of the article are the published texts of Yuriy Vella and field materials of the author, collected during many years of expeditions over Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

Results and novelty of the research: the focus of the analysis of poetic heritage is aimed at studying of the role of translations/dialogue as the main model of Yuriy Vella's last books. The article considers a role of a dialogue in the Nenets culture, its role in the creation of a new image of literature and culture of indigenous people in the modern world. The scientific novelty of the research lies in the analysis of actions of presentation of multiculturalism, in a role of the Russian and Nenets languages in promoting of socially significant ideas of Yuriy Vella, as well as the transformation of the role of anthropologist in the interpretation of aboriginal cultures.

Key words: Yuriy Vella, indigenous people of the North, multiculturalism, dialogue, participation, eco-museum, translations, the Russian and Nenets languages.

Acknowledgements: the research was performed within the framework of the Program of fundamental research "Cultural complex societies: understanding and governance". The project's title is "Ethnic borders in multicultural communities of the North of Russia" (under the guidance of E. A. Pivneva).

For citation: Novikova N. I. Yuriy Vella's model of multiculturalism // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(2): 376–384.

Введение

В научном дискурсе многокультурность обычно рассматривается как политика государства, связанная с вопросами образования, языков, меньшинств, миграции и т.п. Термин появился в Канаде в 1960-е годы, хотя само явление существовало гораздо раньше. Сегодня он употребляется в «трёх различных контекстах – в политическом, относящемся к политике и институтам; эмпирическом, описывающим различные общества; и наконец, в политической и социальной теории и философии» [16, 50]. В антропологии многокультурность в российском контексте рассматривают как поддержку культур и языков меньшинств, преимущественно в образовательной сфере либо как интегративную идеологию [14]. Эту концепцию или критикуют, вплоть до отрицания, или видят в ней панацею от всех проблем развития поликультурных сообществ. В России политика многокультурности часто рассматривается как мало приемлемая [17].

В данной статье многокультурность рассматривается в контексте прав на культурное и языковое разнообразие при взаимодействии коренных народов Севера с окружающим их сообществом, часто не понимающим и не принимающим ценности аборигенов. Политика многокультурности, принявшая форму интернационализма и дружбы народов в Советском Союзе, во многом сохраняется в формальных лозунгах и в Российской Федерации. Недостаток демократических инструментов для их воплощения в практику приводит к ущемлению права на культурное самоопределение коренных малочисленных народов Севера. В международном сообществе на доктринальном уровне всё большую популярность завоевывает Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года, которая становится руководством для обязательности консультаций государств с коренными народами и обеспечения их свободного, предварительного и осознанного согласия на принятие решений, затрагивающих их интересы.

Для меня, как антрополога, интерес представляет обращение к роли отдельных личностей в отстаивании права на самобытное развитие, исследованию микропрактик по складыванию толерантного поведения и осуществлению культурных прав. В данной статье рассматривается модель многокультурности в общественной деятельности и творчестве поэта и оленевода Юрия Вэлла. Интерес к этой теме вызван как широким резонансом его различных акций для аборигенного сообщества, так и уникальностью его опыта создания многочисленных переводов

произведений, собранных под одной обложкой, в одном издании. Он видел своего читателя знатком разных языков и широкого спектра культур, сопричастных им.

Юрий Вэлла получил профессиональное образование в Литературном институте, потом немного учился на юридическом факультете, но его книги стали примером антропологического подхода в жизни, особого способа мышления. Как пишет Т. Эриксен: «Она (антропология – НН) изучает средства, используемые людьми для осмысления своего мира, подчёркивая при этом силу символов и нарративов, и механизмы (особенно связанные с доверием и реципрокностью), благодаря которым социальная жизнь становится упорядоченной, предсказуемой и безопасной» [20, 9]. Его творчество и общественная деятельность по-новому представили роль антропологов, с которыми он активно сотрудничал, а в книге «Река Аган со притоками» мы (Митусова Р. П., Сподина В. И. и я) стали «информантами» [8, 142, 145, 146].

Материалы и методы

Основой для написания данной статьи стали многочисленные встречи с Юрием Вэллой на его родине в ХМАО-Югре, Москве и других городах в разных странах, анализ его книг, а также наблюдения над деятельностью созданного им музея под открытым небом и мемориального, организованного после его кончины в п. Варьеган Нижневартовского района ХМАО – Югры.

Результаты

Человек диалога

Юрий Вэлла (Айваседа) – поэт, оленевод, общественный деятель, собиратель фольклора, создатель экомuzeя Стойбище-на-Тюттяхе, музея под открытым небом в п. Варьеган, герой многих фильмов и лауреат нескольких премий. Глава большой семьи. Хозяин (хотя и без документов) родового угодья (территории традиционного природопользования регионального значения), организатор стойбищной школы, издатель газеты на ненецком языке. Друг, партнёр, учитель, информант для многих российских и зарубежных антропологов. Он родился 12 марта 1948 года, в 2018 году ему должно было исполниться 70 лет, но он ушёл из жизни 12 сентября 2013 года.

Юрий Вэлла написал несколько книг, и они могут быть объектом литературоведческого анализа, но они представляют также большой интерес для антрополога, причём не только как источник сведений о коренных народах, но и как

презентация особого жизненного стиля. Его первые публикации появились в 1979 г. в местных газетах. Первые книги – два выпуска сборников стихов и прозы «Вести из стойбища» в 1991 г. [21]. В его творчестве всегда сочетались стихи, часто верлибр, и проза, в этом мы можем видеть истоки его литературных произведений в фольклоре ненцев, который сочетает поэтическую и прозаическую речь, песни, напевы и рассказы, предания, индивидуальность и коллективность [12]. При этом Юрий часто был сказителем, когда читал свои произведения, а вслед за своей бабушкой считал необходимым пропеть и рассказать, сочетать стихи и прозу, повторить, чтобы быть понятым. Вэлла объяснял, почему много пишет по-русски тем, что он, как его многие современники, уже утратил умение «певучей ненецкой речи», а, с другой стороны, просто потому, что считал русский язык своим главным оружием, чтобы быть понятым нефтяниками [25].

В течение последних десяти лет он издавал книги на разных языках. Сначала мне казалось это странным – зачем печатать под одной обложкой текст на русском и французском, русском и английском и т.п., ведь читатели обычно знают и используют один язык. В 2001 году вышла книга «Триптихи» на русском и французском языках [9], в 2008 «Загадка моя» на хантыйском, ненецком, русском, английском и немецком [4] и «Ветерок с озера» на русском и английском [2], в 2011 – «Нити родства» [7] и «Земля любви: диалоги» [5] на русском и английском. Особенно значимым проектом многоязычности стало издание «Азбуки оленевода» на 7 языках: русском, английском, французском, коми, хантыйском, мансийском, ненецком. В этой маленькой книжке собрана вся мудрость оленевода, понимание им того, что он в жизни идёт за оленем, что именно олень определяет его жизнь, центр его существования. Здесь и правила поведения оленевода, и знания о том, сколько нужно оленей в жизни (названная им арифметика оленевода), и сакральная азбука, и приметы, и определители возраста – правила любви, и рассказ о стойбищной школе от лица оленёнка Нямбулаты. И всё это автор передаёт своему коту Котофею, как бы от его лица ведёт он повествование. Таким образом, в мир оленевода включаются и животные, и люди, говорящие на разных языках. Одно из правил «Азбуки оленевода» гласит: «Устраивая свою жизнь, всегда в первую очередь думай и поступай так, чтобы было хорошо и удобно твоим оленям и оленятам; и только во вторую очередь думай о себе и своих детях. Помни, если сегодня хорошо

твоим оленям, то завтра будет хорошо вам». Первое издание этой книги относится к 2005 году и имеет подзаголовок «В помощь тому, кто изучает этнографию, культурологию и оленеводство» [1, 27]. И действительно его книги много дают для понимания мировоззрения коренных народов, их отношений с окружающим миром и того, как строятся взаимоотношения в северном сообществе сегодня. В его произведениях нет идеализации аборигенов, он чутко реагировал на то, что происходит с людьми в условиях промышленного освоения. Во время путешествия в США в его записной книжке появляются такие наброски:

«Приход нефтяников
Отравляет сознание
Моих родственников
Приход нефтяников
Уничтожает память
Моих родственников.
Они уже не желают охотиться.
Они уже не желают рыбачить.
Они уже не желают влюбляться.
Они уже не желают выживать.
Только бы хапнуть
КОМПЕНСАЦИЮ...» [7, 29].

Но он не хочет быть судьей своим сородичам, стремится понять их, поэтому такое внимание в его произведениях к их высказываниям, особенно стариков, предлагает задумываться: «Так ли уж непоколебима твоя правда?» (из рассказа Ю. Вэллы «Одиночество»).

В книге «Нити родства» приводится рассказ бабушки Ненги о том, откуда появились люди. Она говорит, что «Все люди на земле произошли от одной Мамы и одного Папы»...они родственники и поэтому, если внимательно слушать, можно понять любой язык. «Иная земля и иное дело рождали новые языки. Но все эти языки связаны между собой тонкими нитями – нитями родства», завет бабушки – быть внимательным к собеседнику [7]. Юрий Вэлла не учит своих читателей, он приглашает их к диалогу.

Диалог, умение его выстраивать в аборигенной культуре проявляется может быть в большей степени, потому что они более чувствительны к необходимости сосуществования. Живут в экстремальных природных условиях, зависят от ресурсов, живут среди преобладающего и по языку, и по властным полномочиям другого населения. Диалогическую форму имеют и некоторые жанры их фольклора, и даже игры детей могут строиться как вопросы и ответы. Например, как диалог, записанный ненцем-фольклористом А. П. Пырька:

- Птичка, где ты была?
- Я была в лесу.
- А куда делся твой лес?
- Его сожгла молния.
- А куда делась молния?
- Её потушил дождь.
- А куда делся дождь?
- Дождь ушёл в землю.
- А куда делась земля?
- Землю покрыл снег.
- А куда делся снег?
- Его растопило солнце.
- А куда делось солнце?
- Оно скрылось за тучи.
- А куда делись тучи?
- Тучи развеял ветер.
- А куда делся ветер?
- Ветер обессилили Большие горы.
- А куда делись Большие горы?
- Большие горы растоптала росوماха.
- Куда делась росوماха?
- Росوماха попала в капкан.
- Что сделал с ней охотник?
- Охотник скормил её собакам [18, 72].

У ненцев большую роль в фольклоре и повседневной жизни играют загадки, причём в ходе такого диалога правильный ответ может стать причиной приза – оленя. Диалоги неминуемо должны были появиться в творчестве Юрия Вэллы. Примечательна его книга «Земля любви. Диалоги» [5]. Несколько лет назад Юрий получил письмо от монашенки из монастыря на Волге, которая написала, что её потрясли его стихи, и она решила прислать ему свои. Вэлла никогда не встречался с этой женщиной, но она стала соавтором его новой книги. Н. из монастыря на Волге и Вэлла со Стойбища на Түйтяхе создали цикл «Этот совершенный мир». Стихи и проза перемежаются и создают ощущение разговора двух людей, которые хотят понять, что значит совершенный мир, гармония. Есть в книге и диалог с поэтом Татьяной Юргенсон:

«А близкий друг –
Далёк.
Хоть рука друга –
Вот она,
Рядом,
Хоть сидим мы в одной лодке,
Но отделяет нас
Неосторожно сказанное слово» [5, 105].

В этой же книге есть ещё диалог Вэллы и Скотта Мамадея – американского писателя индейского происхождения – «Размышления в ожидании «Медвежьего игрища». Юрий и Скотт

стали собеседниками, хотя говорили и писали на разных языках. Не случайно их в книге объединил именно Медвежий праздник, на котором всегда с древних времён были представлены разные культуры и который объединял эти культуры и разных людей.

Схожи и пути к творчеству этих писателей. Скотт, в интервью мне говорил, что когда он начинал писать, от него, как от индейца ждали рассказов о вигвамах, и он стал писать детективы. Юрий тоже сравнительно мало пишет о фольклорных сюжетах в своих произведениях. Собирая фольклор было его профессиональной деятельностью, он записывал своих «сороди-чей», собирал архив лесных ненцев. А в жизни и творчестве Вэллы использовал скорее не этнографические сведения, а знания лесных ненцев, расшифровывая, разъясняя, переводя их для нас.

Культурные проекты Юрия Вэллы

Юрий Вэлла считал, что не нужно заставлять детей и внуков учить языки хантов и ненцев, но нужно сделать так, чтобы они захотели изучать их, получить высшее образование, которое он считал условием жизни на стойбище. Сам пройдя через интернат, Вэлла не хотел такой судьбы для своих внуков, поэтому он стал организатором стойбищной школы [15; 13; 22]. В контексте данной статьи нужно подчеркнуть, что это не «этническая» школа, она должна была подготовить детей к поступлению в ВУЗ, дать им необходимое в современных условиях образование, но при этом не оторвать их от земли и оленей. Проект оказался сложным, только один внук закончил эту школу, которая существовала в 1996 – 2009 гг., он не смог учиться в университете, но сейчас живёт с семьёй на стойбище. Школа должна была создать пространство многокультурности, при этом сохранить для детей теплоту семейных отношений и близость к природе. Определённую роль возможно сыграло и то, что Вэлла из своего стойбища сделал своеобразный музей. Посетителей там было сравнительно немного, но они были разнообразны: журналисты, учёные, студенты, которые приезжали на летнюю практику, школьники из интерната, представители администрации и нефтяники. И дети могли многому научиться, присутствуя на таких встречах, слушая гостей.

Возрождение культуры коренных народов Севера, начавшееся в конце 1980-х годов, сегодня часто воспринимается и учёными, и самими аборигенами как что-то нанастное, искусственное, фестивальное. Это правда, но не вся. На рубеже 1980-1990-х гг. именно активисты и

писатели – аборигены совершили поворот в политике, именно через активное освоение мира и презентацию своей культуры аборигены и их организации показали, что они «не исчезнут с лица земли». В начале 1990-х годов по всему Северу развернулось движение создания народных музеев. Вообще музей чужд традиционной культуре, музеефикация скорее явление колониальной и пост-колониальной идеологии. «Живые» (народные) музеи продемонстрировали иной оригинальный подход, они отвоевали место для аборигенной культуры в современном полиэтничном пространстве.

За создание экомuzeя в Варьегане. Юрий Вэлл получил премию фонда Сороса «За подвижничество». Музей в Варьегане и сегодня показывает жизнь людей Севера – здесь стоят настоящие дома, и амбары, и святилище. Первый дом, который привезли в музей, принадлежал раньше ханты А. А. Казамкину, в том месте, где он стоял раньше, появились нефтяники. Потом стали перевозить и другие постройки. Так сложился музей. В нём и документы есть, и фотографии, например, отражающие драматическую историю взаимоотношения с нефтяниками. Юрий Вэлл, когда проводил экскурсии, как будто принимал гостей на своём стойбище, да так рассказывал, чтобы людям захотелось здесь задержаться, а может и пожить. Побывавший в этом музее до меня М. Гнедовский при его описании приводит высказывание Ж. А. Ривьера о подобных музеях: «Экомузей – это зеркало, в которое смотрится местное сообщество, пытаюсь отыскать в нём свой образ, зеркало, в которое местные жители дают заглянуть пришельцам, чтобы те могли лучше понять место, в котором они очутились и прониклись уважением к труду, обычаям и особенностям живущих здесь с давних времён людей» [10].

Юрий Вэлл так определял задачу своего музея и его отличие от других:

«Обычный музей просто хранит вещи. Они лежат под стеклом, люди приходят и смотрят на них. Такой музей позволяет показать нашу культуру для других – горожан или чужеземцев. Нам нужен был совсем другой музей. Мы строили его для себя, своих детей, внуков, чтобы они понимали душу каждой вещи, знали, как с ней обращаться, умели сделать её сами, если надо» [3; 6].

Опыт музея от первого лица был высоко оценён, на его основе Ю. Вэлл создал экспозицию на Первой Красноярской музейной биеннале в декабре 1995 г. Благодаря своей уникальности «Летнее стойбище оленевода» получил первую

премию. Эта экспозиция располагалась в подвальном техническом помещении Красноярского музейного центра, где фоном для неё служили вентиляционные короба. Чум, в котором посетителей угощали чаем, фрагмент коралля, хозяйственные постройки, лодка-обласок оказались окружёнными индустриальными предметами. Так «лаконичными средствами был создан образ традиционной северной культуры, теснимой со всех сторон освоителями нефтяных и газовых месторождений» [11].

Варьеганский музей существует и сегодня, только стал он как бы обычным для этого края. Важнейшим для создателя этого музея было не только представить культуру живущих в районе хантов и лесных ненцев, но и заинтересовать ею. Экспонаты из музея мог взять любой человек, если такая вещь понадобилась в хозяйстве или для проведения обряда, но нужно было обязательно вернуть – ту же или сделанную по её образцу. По замыслу Ю. Вэллы, таким образом люди научатся делать необходимые для сегодняшнего ведения традиционного хозяйства вещи.

При вручении премии Сороса прозвучала фраза о том, что Юрий со своим стойбищем стоит на пути непродуманного промышленного освоения. Сам он так говорит о своей роли на земле: *«Да, если бы моего стойбища не было, естественно, для нефтяников в том месте не было бы совершенно никакого тормоза. Конечно, нефтяники – крутые ребята, что для них какой-то Айвасада с семьёй, если они очень захотят, меня там не будет, тем не менее, моё присутствие всё же сегодня ещё сохраняет тот кусочек земли, тот кусочек леса, который вырабатывает кислород, который даёт небольшую отдушину для нашей планеты. Но ещё не менее важно, что здесь сохраняется духовность, потому что я часть духовной ценности моих родственников. Когда моя семья тут живёт, люди планеты знают, что есть такое стойбище и можно приехать посмотреть, пообщаться, воспринять, почувствовать, духовно обогатиться, или хотя бы полюбопытствовать, глянуть, это тоже ценность нашей планеты. И пока я там, это сохраняется. Если меня не будет, лишние граммы нефти появятся, но так как нефтяники очень скверно работают, может и лишнего грамма не появится, потому что большие нефти проливается в реки, озера, спешат нефтяники, технологии у них не совершенные.*

Что такое музей-стойбище? Допустим мой сосед живёт на стойбище, живёт своей обыкновенной жизнью, и если к нему приезжает

человек из города, общается с ним и уехав, в своих воспоминаниях снова возвращается, мысленно продолжает общаться, может он ему приснился, может ему приснился пенёк, на котором он сидел, я уже считаю, что это стойбище на него подействовало, сыграло уже ту роль, которую выполняет духовный центр. Такое место может называться музеем. И я стал думать, почему бы моё стойбище не могло выполнять роль такого музея, просто быть, просто жить в нём, принимать гостей, можно этих гостей называть посетителями, людьми, приехавшими на экскурсию, а можно просто назвать гостями, а хозяина можно назвать служителем музея, а можно назвать просто хозяином, когда стойбище влияет на окружающих так или иначе, я считаю, что такое стойбище имеет право называться экомузеем. Я считаю, что многие экомузеи перестали быть такими оттого, что стали регистрироваться, служащие экомузеев стали получать зарплату». [15, 250]

Музей в Варьёгане был попыткой включить современный мир, расширить границы аборигенной культуры, сделать её интересной и полезной для современных людей. Юрий во всех своих проектах выходил за границы. На примере такого авторского музея можно выделить некоторые характеристики, позволяющие рассматривать его как форму культурного самоопределения коренных малочисленных народов в условиях нефтяного освоения. На первый взгляд, такие музеи объединяет простота. Культура представлена как повседневная, нет концепта уникальности, часто создатели отказываются от показа шаманов, в отличие от многих других региональных музеев. Эта незамысловатость экспозиций приобретает значение в ходе экскурсии. В этом музее обязательно должен быть экскурсовод, чаще всего это сам создатель музея. И только благодаря его рассказам, собрание вещей становится собранием муз.

В этом смысле, музей в Варьёгане был похож на деревенские музеи в канадских общинах. В 2008 г. я побывала в общине алконгинов Китиган зиби в Квебеке. Это довольно успешная община, одной из сфер деятельности которой является туризм. В их культурном центре сделана небольшая экспозиция, которая в ходе показа старейшины превращается в музей, где представлена вся богатая мифология и культура этого народа.

Общей чертой таких музеев является отказ от историзма. В музеях могут быть представлены несколько археологических артефактов, но

их создатели сознательно уходят от представления культуры своего народа в прошлом. Для них, и в России, и в других странах, в том числе в США и Канаде, важно показать, что их народы живут сейчас. Создатели этих музеев сознательно уходят от принципов краеведения. Они представляют культуру конкретных народов, причём как современных. Для таких музеев характерен прагматизм. В. А. Шнирельман назвал их хранилищами навыков. В качестве примера он приводит музей в г. Виктория на о-ве Ванкувер, в который посетители приходят для получения новых практических знаний и навыков [19]. Местные авторские музеи в своё время сыграли существенную роль в культурном самоопределении коренных народов. Создатели музеев через презентацию культуры конструировали идентичность хантов, манси и ненцев как коренных народов.

Сегодня в Варьёгане работает ещё один музей – Дом Юрия Вэллы, его заведующей стала старшая дочь, другие члены большой семьи также часто там бывают. В музее сохранена обстановка жилого дома, благодаря этому и школьники, и взрослые односельчане, и гости чувствуют себя там в гостях у поэта.

В общественной деятельности Юрия Вэллы культура коренных народов не только представлена как ценность, как наследие. Она становится механизмом диалога, инструментом для сохранения и развития многообразия. Важными элементами сложившейся синкретичной политической культуры коренных народов Севера стала презентация «своей» культуры через образы культуры «пришлого» населения и включение политической системы страны в картину мира аборигенов. Стержнем культуры коренных народов Севера и её основным символом является олень. Между оленем и человеком существует неразрывная связь, поэтому неслучайно в непростой современной жизни именно через оленя Ю. Вэлла попытался установить контакт с государством и Президентом, как гарантом Конституции.

Я уже писала о том, как Юрий Вэлла строил отношения с нефтяными компаниями [15], здесь хочу отметить, что он не только рубил колеса машин ЛУКОЙЛа, но и сначала пытался установить диалог. Причём этот диалог основывался именно на создании чувства сопричастности и знакомства с культурой, он ставил чумы, приглашал туда и нефтяников, и чиновников, чтобы они познакомились с культурой местного населения и смогли бы ответить на этот призыв. С

такой же целью он посвятил оленя президенту как гаранту Конституции, дарил оленей многим людям, чтобы они чувствовали ответственность за землю, по которой эти олени ходят. Юрий Вэлла был широко известен как борец с пагубным промышленным освоением Севера, с нефтью и газодобычей, которые губили землю, ничего не давая коренным жителям. Сегодня политика некоторых компаний изменилась, например, в ЛУКОЙЛе появились многие полезные документы, определяющие правила поведения нефтяников в местах проживания аборигенов. С этой компанией Юра воевал до последних дней, судился, пытался остановить их на границах своих родовых угодий простой надписью «Здесь живут олени с оленятами» и топором, порубив колеса их машин. Хочется верить, что именно его борьба привела к этим изменениям. В Ханты-Мансийском округе нефтяное освоение стало объектом художественного в том числе поэтического творчества многих людей, поэзия как бы разлита над этой землёй, Юрий Вэлла стал её наиболее ярким представителем.

В 1996 году он написал такое стихотворение.

Облако в нефти

«Ежегодно во время паводка, по реке Ватьёган со стороны Повховского месторождения плывёт толстая плёнка нефти.

Нам стало очень трудно жить...»

Из заявления местных жителей

в исполком Аганского сельского Совета

По Ватьёгану плывёт

Нефть, нефть, нефть.

Лодку, сети и весло

Пропитала нефть.

Щуку вспорешь –

Нож в нефти.

За водой из чайника

Некуда идти.

Ноги у оленей

Пропитались нефтью –

От соседей прибежали

С бедственной вестью.

Даже у вороны

Брюхо пожирнело.

Облако на небе

Тоже почернело.

На подоле чума

Маслянные кляксы.

Лес мой перечёркнут

Чёрной полосой

Оленёнок детства

Что так горько плачешь?

Я твой нос чумазый

Вымою росой [9, 133–134].

В творчестве Юрия Вэллы нефть стала таким же актором, как и в современной жизни коренных народов Западной Сибири. И при всей его борьбе с промышленным освоением, он стремился и с нефтяниками установить диалог в соответствии с традициями своего народа. Юрий Вэлла считал свои топонимические исследования такими важными, так как считал, что они могут определить, где какие земли, чтобы подсказать нефтяникам и чиновникам какие территории нужно оставить нетронутыми промышленным освоением. Внимательно приглядываясь к практике других стран, он считал, что резервировать нужно и нефтяные месторождения, пока нет совершенных технологий [13]. Вообще Вэлла был очень современным человеком, любил различные технические новшества, активно ими пользовался, много снимал на видеокамеру и охотно становился не только героем, но и соавтором многих фильмов [23; 24]. Именно открытость, способность учиться и вести диалог и помогали ему в осуществлении многих издательских, культурных и политических проектов.

Обсуждение и заключения

Творчество и общественная деятельность Юрия Вэллы сыграли безусловно большую роль в распространении знаний о языке и культуре коренных народов Севера, в первую очередь ненцев, в стране и мире. Публикации его книг – диалогов уже самим фактом своего существования ставили знак равенства между разными языками. Кроме того, они способствовали развитию связей между людьми и народами. В современном мире существование уникальных северных культур сталкивается с большими трудностями, это и промышленное освоение, изменение климата, и может быть ещё в большей степени отсутствие понимания окружающим сообществом важности культурного разнообразия. Проекты Юрия Вэллы были направлены на развитие сопричастности, распространению гуманитарных идей многокультурности, сохранению хрупкой цепочки «земля – ягель – олень – оленевод – внук оленевода». Мемориальный Дом-музей в Варьёгане продолжает эту работу.

Список источников и литературы

1. Вэлла Ю. Азбука оленевода. В помощь тому, кто изучает этнографию, культурологию и оленеводство. Нижневартовск; СПб.: Изд-во Мегасибром, 2005. 44 с.
2. Вэлла Ю. Ветерок с озера. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008, 336 с.
3. Вэлла Ю. Живой музей. М.: изд-во «Перо», 2016. 64 с.
4. Вэлла Ю. Загадка моя. Сургут: [б. и.], 2008. 88 с.
5. Вэлла Ю. Земля любви: диалоги. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2009. 107 с.
6. Вэлла Ю. Мы не исчезнем с лица земли // Северные просторы. 1996. № 3–4. С. 16–18, 21.
7. Вэлла Ю. Нити родства. Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр ЮГУ, 2010. 120 с.
8. Вэлла Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря бассейна реки Аган. Ч. 3. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2012, 150 с.
9. Вэлла Ю. Триптихи. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001, 170 с.
10. Гнедовский М. Б. Тайны под открытым небом // Мир музея. 1994. № 3. С. 8–20.
11. Гнедовский М. Мой дом – мой космос // Северные просторы. 1996. № 3–4. С. 19–20.
12. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
13. Корниенко О. Уходящая натура. Воронеж: Издат-принт, 2016. 300 с.
14. Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтничных обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 2. С. 53–66.
15. Новикова Н. И. Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.
16. Тернборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 50–67.
17. Тишков В. А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН. 2002. С. 331–350.
18. Хомич Л. В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука. 1988. С. 63–79.
19. Шнирельман В. А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
20. Эриксен Т. Х. Что такое антропология? М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 239 с.
21. Юрий Кылевич (Айваседа) Вэлла: Библиографический указатель / Сост. Коротких Е. А. Нижневартовск: изд-во Приобье, 2003. 27 с.
22. Dudeck S. Challenging the State Educational System in Western Siberia: Taiga School by the Tiutiakha River Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage, edited by Erich Kasten and Tjeerd de Graaf 2013, pp. 129–157.
23. Niglas L. Yuri Vella on the move: driving an uazik in Western Siberia. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol49/niglas.pdf> (дата обращения: 07.05.2018)
24. Toulouze E., Niglas L. Native spirituality in (re)constructed personhood: observing and filming Yuri Vella. URL: http://www.folklore.ee/folklore/vol51/toulouze_niglas.pdf (дата обращения: 07.05.2018).
25. Земля любви. 2016. Фильм Л. Нигласа (архив автора).

References

1. Vella Yu. *Azbuka olenevoda. V pomoshch' tomu, kto izuchaet etnografiu, kul'turologiiu i olenevodstvo* [Reindeer herder's ABCs. For those who study ethnography, culturology and reindeer husbandry]. Nizhnevartovsk; Saint-Petersburg: Izd-vo Megasibrom Publ., 2005. 44 p. (In Russian)
2. Vella Yu. *Veterok s ozera* [The Breeze from the Lake]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2008. 336 p. (In Russian, in English)
3. Vella Yu. *Zhivoi muzei* [The live museum]. Moscow: izd-vo «Pero» Publ., 2016. p. 64 (In Russian)
4. Vella Yu. *Zagadka moia* [My riddle]. Surgut: [w/p], 2008. 88 p. (In Russian, Nenets, German, English)
5. Vella Yu. *Zemlia liubvi: dialogi* [The land of love: dialogues]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2009. 107 p. (In Russian, in English)
6. Vella Yu. *My ne ischezнем s litsa zemli* [We won't disappear from the earth]. *Severnnye prostory* [Northern spaces], 1996, no. 3–4, pp. 16–18, 21. (In Russian)
7. Vella Yu. *Niti rodstva* [Threads of kinship]. Khanty-Mansiysk: Infomatsionno-izdatel'skii tsentr IuGU Publ., 2010. 120 p. (In Russian, English, Nenets)

8. Vella Yu. *Reka Agan so pritokami. Opyt toponimicheskogo slovaria basseina reki Agan* Ch. 1–3 [The Agan River with inflows. Experience of the toponymic dictionary of the Agan basin. Parts 1–3]. Khanty-Mansiysk: IITs IuGU Publ., 2012. 150 p. (In Russian, Nenets, Khanty)
9. Vella Yu. *Triptikhi* [Triptyches]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2001. 170 p. (In Russian, Nenets, French)
10. Gnedovskiy M. B. *Moi dom – moi kosmos* [My home – my space]. *Severnye prostory* [Northern spaces], 1996, no. 3–4, pp. 19–20 (In Russian)
11. Gnedovskiy M. B. *Tainy pod otkrytym nebom* [The secrets under the open sky]. *Mir muzeia* [The world of a museum], 1994, no. 3, pp. 8–20. (In Russian)
12. Golovnyov A. V. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [The nomads of tundra: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. 344 p. (In Russian)
13. Kornienko O. *Ukhodiashchaia natura* [The leaving nature]. Voronezh: Izdat-print Publ., 2016. 300 p. (In Russian)
14. Kuropyatnik A. I. *Mul'tikul'turalizm: ideologiya i politika sotsial'noi stabil'nosti polietnichnykh obshchestv* [Multiculturalism: ideology and policy of social stability of polyethnic societies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2000, vol. III, no. 2, pp. 53–66. (In Russian)
15. Novikova N. I. *Okhotniki i nef'tianiki. Issledovaniia po iuridicheskoi antropologii* [Hunters and oil industry workers. Researches on judicial anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2014. 407 p. (In Russian)
16. Ternborn G. *Mul'tikul'turnye obshchestva* [Multicultural societies]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2001, no. 1, pp. 50–67. (In Russian)
17. Tishkov V. A. *Teoriia i praktika mnogokul'tunosti* [Theory and practice of multiculturalism]. *Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetskikh obshchestv* [Multiculturalism and transformation of the post-Soviet societies]. Moscow: IEA RAN Publ., 2002. pp. 331–350. (In Russian)
18. Khomich L. V. *Obychai i obriady, svyazannye s det'mi, u nentsev* [Customs and ceremonies connected with children among the Nenets]. *Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri* [Traditional education of children at the people of Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. pp. 63–79. (In Russian)
19. Shnirelman V. A. *Muzei i konstruirovaniye sotsial'noi pamiati: kul'turologicheskii podkhod* [Museum and designing of social memory: culturological approach]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic review], 2010, no. 4, pp. 8–26. (In Russian)
20. *Yuriy Kylevich (Ayvaseda) Vella: Bibliograficheskii ukazatel'* [Yuriy Kylevich (Ayvaseda) Vella: Bibliographic index]. Comp. by E. A. Korotkikh Nizhnevartovsk: izd-vo Priob'e Publ., 2003. 27 p. (In Russian)
21. Eriksen T. Kh. *Chto takoe antropologiya?* [What is anthropology?]. Moscow: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 239 p. (In Russian)
22. Dudeck S. Challenging the State Educational System in Western Siberia: Taiga School by the Tiutiakha River Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage, edited by Erich Kasten and Tjeerd de Graaf 2013, pp. 129–157. (In English)
23. Niglas L. Yuri Vella on the move: driving an uazik in Western Siberia. Available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol49/niglas.pdf> (accessed May 07, 2018). (In English)
24. Toulouze E., Niglas L. Native spirituality in (re)constructed personhood: observing and filming Yuri Vella. Available at: http://www.folklore.ee/folklore/vol51/toulouze_niglas.pdf (accessed May 07, 2018). (In English)
25. *Zemlya lyubvi* [The land of love]. 2016. Movie by L. Niglas (archive of the author).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Новикова Наталья Ивановна, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр., 32А), доктор исторических наук.
natinovikova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5686-1104

ABOUT THE AUTHOR:

Novikova Natalya Ivanovna, Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (119991, Russian Federation, Moscow, Leninsky pr., 32A), Doctor of Historical Sciences.
natinovikova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5686-1104